

Глава 15. Битва с найманами

На следующий день, в самый полдень, когда до ставки Ван Хана оставалось еще порядочно, разведчики доложили Ваньянь Кану: путь преградили найманы. Их войско, числом около восьмидесяти тысяч, замерло в ожидании. Кан лишь слегка улыбнулся. Наконец-то. В истории Тэмуджин одержал здесь победу, уступая врагу числом, и именно это сражение заставило отца Кана, князя Чжао, всерьез считаться с монголами. Пусть теперь врагов было втрое больше, чем в первоначальной истории, это лишь подогревало интерес.

С легкой усмешкой Кан повернулся к отцу:

— Кажется, тот самый случай, о котором мы говорили ночью... он представился.

Ваньянь Хунле, сразу уловив подтекст, понимающе кивнул:

— Безусловно. И я, кажется, уже понял, какой путь ты выбрал, Кан-эр.

Ваньянь Кан промолчал, лишь загадочно улыбнувшись. В ту ночь он раздумывал, не стоит ли просто припугнуть степняков мощью Цзинь, но теперь, глядя на трижды превосходящие силы найманов, он решил повременить. Ему хотелось своими глазами увидеть «Потрясателя Вселенной», Чингисхана, чья слава гремела в веках его прошлой жизни. На что на самом деле способна эта легенда?

— Что отец думает о моем выборе? — поинтересовался он.

Хунле бросил короткий взгляд в сторону Тэмуджина и, немного помедлив, ответил:

— У тебя наверняка есть свой план. Если считаешь, что так будет правильно — действуй.

Кан благодарно кивнул и тут же отдал распоряжения.

К тому моменту, когда цзиньское войско пришло в полную боевую готовность, дозоры Тэмуджина только-только принесли вести. Великий хан немедленно отправил Мухали разведать обстановку, а сам поспешил к наследнику.

— Говорят, великий хан доблестен и не знает поражений, — встретил его Кан легким поклоном. — Надеюсь, такая малость не станет для вас проблемой?

Тэмуджин окинул взглядом горизонт. Он сомневался — местность была неудобной, а врагов — тьма, — но все же решительно кивнул.

Битва оказалась куда тяжелее той, что была описана в книгах. Огромная численность найманов не позволяла монголам использовать их излюбленный маневр и зайти в тыл. Несмотря на то, что Тэмуджин, Джамуха и Сангум лично вели воинов в атаку и сумели занять господствующие высоты, а стрелы Джэбэ не знали промаха, чаша весов никак не желала склоняться в их сторону. Найманы, словно саранча, волна за волной катились на кручи, и монгольское войско таяло под их напором, умытаясь кровью.

Ваньянь Хунле внимательно наблюдал за кровавой сечей, а затем с привычной нежностью посмотрел на сына:

— Как думаешь, Кан-эр, выстоят они?

Кан не отрывал взгляда от горизонта.

— Выстоят. Но победа будет горькой и вырванной из зубов смерти.

Найманы уже начали повторно штурмовать высоты, прорываясь сквозь заслоны. Время пришло. Кан повернулся к отцу:

— Отец, как ты думаешь, какой эффект произведет наше вмешательство именно сейчас?

Хунле усмехнулся:

— Пожалуй, это внушит им куда больше страха, чем если бы мы вступили в бой в самом начале.

Кан кивнул и скомандовал атаку. В распоряжении цзиньцев было всего десять тысяч всадников, но это была элита — лучшие доспехи, превосходное оружие и выучка, не знавшая равных. Найманы, уже измотанные схваткой с Тэмуджином, не смогли выдержать удара свежих сил. Цзиньская конница прошла сквозь них, как раскаленный нож сквозь масло. Вождь найманов был схвачен в считанные минуты.

Ваньянь Кан велел привести пленного предводителя. Посмотрев на него сверху вниз, он произнес с ледяным спокойствием:

— Можешь идти. Слабаки не достойны милости Великой Цзинь.

Наймаец не поверил своим ушам. Он замер, глядя в спину удаляющемуся юноше.

— Маленький князь... вы действительно меня отпускаете?

Кан даже не обернулся. Конечно, он отпускал его. Если стереть с лица земли племя найманов прямо сейчас, Тэмуджин объединит Монголию в мгновение ока, и тогда Цзинь окажется под угрозой куда раньше срока. Этого он допустить не мог. Но найману знать об этом было ни к чему — пусть гадает сам.

Когда пыль сражения улеглась, отряд снова тронулся в путь. Кан заметил Тэмуджина, который ехал поодаль с мрачным, задумчивым лицом. Направив коня к нему, Кан виновато улыбнулся:

— Прошу прощения, великий хан, за наше самовольное вмешательство.

Тэмуджин посмотрел на него с недоумением:

— Найманы шли за шестым принцем и за вами. О каком «самовольстве» речь?

Кан лишь покачал головой:

— Их истинной целью всегда были вы. В этой войне вы должны были продемонстрировать свою мощь, а я, получается, испортил вам момент...

Тэмуджин надолго замолчал, обдумывая эти слова, а затем перестал хмуриться и открыто рассмеялся:

— В таком случае я должен лишь поблагодарить вас. Если бы не ваша своевременная помощь, мои потери были бы куда страшнее.

В этот момент впереди показались всадники. Ван Хан лично выехал навстречу гостям из Государства Цзинь. Тэмуджин, Джамуха и Сангум тут же поспешили вперед, а Кан вернулся к отцу.

Хунле, глядя на довольное лицо сына, спросил:

— Уладил дело?

Кан лишь кивнул, глядя вслед исчезающему за барханами Тэмуджину.

— По крайней мере, я дал ему разумное объяснение.

Вскоре перед ними появился величественный старец. Несмотря на тучность, в каждом его движении, в седых волосах и осанке чувствовалась аура неоспоримой власти.

«Ван Хан...» — мысленно отметил Кан. Названный отец Тэмуджина производил сильное

впечатление.

Даже когда Тэмуджин в будущем одолеет его, это будет лишь хитрость. В плане личного величия и боевой мощи этот старик никому не уступал. И, что важнее всего для Кана, Ван Хан до самого конца оставался верен Цзинь. Испытывая искреннее уважение к такой преданности, Кан спешился и поприветствовал его по всем правилам.

Путь до ставки Ван Хана занял совсем немного времени. Тенты и шатры его племени поражали роскошью, какой Кан еще не видел в бескрайней степи. Здесь было все самое дорогое, что только можно найти под небом пустыни.

Глядя на этот блеск, Ваньянь Кан невольно вздохнул.

«Неужели покой и сытость всегда убивают доблесть?»

Сангум уже не обладал величием Ван Хана. Да и потомки Тэмуджина, завоевав весь мир, потеряют его всего через сотню лет. Цзинь тоже ждала бы печальная участь, не явись он в этот мир со знаниями будущего. Благополучие само по себе не страшно. Страшно, когда из-за него люди слепнут, перестают чувствовать угрозу и не видят собственных слабостей.

Он обернулся и посмотрел вдаль, туда, где небо сливалось с горизонтом. Говорят, завоевать империю легко, а вот удержать — почти невозможно.

«Что ж, я верю, что справлюсь. Потому что у меня есть ради кого ее беречь».

<http://bllate.org/book/17543/1703328>